ГРАНИЦА МЕЖДУ ПОВЕРХНОСТНЫМ И ГЛУБИННЫМ СМЫСЛАМИ В ПОЭЗИИ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ЛИНГВИСТИКИ

Маслова В.А.

*профессор кафедры дошкольного и начального образования
Витебского государственного университета имени П.М. Машерова,
доктор филологических наук, профессор
Белоруссия, Витебск*

Аннотация.

В докладе рассматривается граница между поверхностными и глубинными смыслами в поэтических текстах. В результате исследования было выявлено, что граница как таковая отсутствует, ибо поэтические смыслы диффузны и неуловимы, так как поэтический язык – это и орудие создания смысла и одновременно инструмент его выявления через глубинное содержание. Возможность проникнуть в тайны глубинного познания мира сейчас видится в синтезе научного (лингвистического), философского, художественного и религиозного знаний.

Ключевые слова: лимология, синтез наук, поэтические смыслы, глубинные смыслы.

BORDER BETWEEN SUPERFICIAL AND DEEP SENSE IN POETRY AS A THEORETICAL PROBLEM OF LINGUISTICS

Maslova V.A.

*Vitebsk State University named after P.M. Masherov,
Doctor of Philology, prof.
Belarus, Vitebsk*

Abstract.

The report examines the border between superficial and deep meanings in poetic texts. As a result of the study, it was revealed that there is no border as such, for poetic meanings are diffuse and elusive; poetic language is both a tool for creating meaning and, at the same time, a tool for revealing it through its deep content. The opportunity to get into the secrets of deep knowledge of

the world is now seen in the synthesis of scientific (linguistic), philosophical, artistic and religious knowledge.

Key words: limology, synthesis of sciences, poetic meanings, deep meanings.

Объявленная проблема конференции – лимология (от лат. – *limes* «граница» – наука о природе и функциях границ) – очень важная и современная не только для географии (где этот термин является ключевым), но и для философии, политологии, экономики, культурологии, лингвистики и др. наук. Более того, выявление основных проблем границы актуально для формирования новой эпистемологии в изменившемся мире, например, для дифференциации гуманитарного и социального знания, для выявления специфики умозрительной и воображаемой реальности, для построения гуманитарной рациональности вообще, для методологии гуманитарных наук. Мы сами себе устанавливаем границы, чтобы потом их разрушать. Культурные ценности, законы, удерживающие или разрушающие миропорядок, многие социальные явления и процессы можно рассматривать сквозь призму границы.

Для начала обратимся к проблеме понимания границы вообще, которая может быть рассмотрена в контексте гуманитарных смыслов бытия и познания. Граница как «переход» – это особая гуманитарная реальность, требующая всестороннего исследования. Важнее других здесь философия «границы», устанавливающая связь между рубежными фактами и событиями, маргинальными ситуациями различного типа, для которых необходимо новое мышление, мышление как творчество, то, что П.А. Флоренский связывал с «конкретной метафизикой», а М. Хайдеггер – «фундаментальной» онтологией.

Феномен границы возникает на пересечении различных видов отношений человека с миром и самим собой. Когда и почему граница становится проблемой, следует искать в нашем отношении к миру и к самим себе [3]. В понимание границы для человека важный вклад вносит и психология. В первую очередь, концепция образа мира, развиваемая А.Н. Леонтьевым и его учениками. Здесь исследуется пространственно-временная категоризация мира, то, что называется «хронотоп». Термин «хронотоп», впервые введенный в русскую науку А.А. Ухтомским, сейчас связывают с именем М.М. Бахтина. Он включает в себя проблему взаимо-

действия человека с миром, которое осуществляется в реальном пространстве и времени. Это одновременно универсальный и социально-культурный феномен. Так, жизнь человека начинается временем рождения и фиксируется пространственно (место, социальный статус семьи, культурное окружение).

Важен лингвистический ракурс и в психолингвистике [2], и в лингвистике.

Цель нашего доклада – выявление границы между поверхностными и глубинными смыслами в языке вообще и языке поэзии, в частности.

Попытка осмысления границы между поверхностным и глубинным пониманием при восприятии поэзии привела нас к необходимости введения понятия «глубинные знания» Это глубинные знания о том, как все устроено в мире. Однако язык нам показывает не то, как «есть на самом деле», а только то, как эти знания хранятся в семантике. Но не обо всей семантике идет речь, ибо в ней уже многое сделано, причем русской семантической школой, наиболее сильной в Европе. Здесь наш интерес распространяется именно на глубинную семантику поэтического текста.

Глубинные знания проявляются в языке по-разному: во-первых, в «симфонии голосов прошлого» (Костомаров), которые проникают сквозь слово или выражение, которые начинают значить больше, чем нам кажется на первый взгляд. На их собственное значение, отмеченное словарем, накладывается культурная коннотация (термин В.Н. Телия). Например, при анализе фразеологизма *выносить сор из избы* – только культурные смыслы позволяют понять, почему действие человека, выносящего мусор из дома и тем самым делающего его чище, пригоднее для жилья, оценивается негативно – «это плохо»). Во-вторых, в слове скрыта позиция наблюдателя: когда мы объясняем человеку, как идти – *направо* или *налево*, то мы имеем в виду человека, который пойдет, следуя нашему объяснению. В-третьих, в слове не только названо явление, но имплицитно обозначено качество называемого объекта, его характеристика, и это накладывается запрет на ряд сочетаний в языке, хотя с точки зрения грамматики они правильные: *палач пьет чай, велика артистка матерится*. Этот список можно продолжить.

Язык интерпретируется В. Гумбольдтом с позиции онтологии, как всеобъемлющая и всепроникающая духовная активность человека, под влиянием которой начинают играть иррациональные аспекты языка, имею-

шие огромное значение для формирования духовного кода нации. Ведь еще И.В. Гёте призывал дополнить «единодержанье рассудка красотой непосредственного воззрения и стихией жизненного чувства». А Г.И. Берестнев прямо утверждает, что в познании сложных сущностей затрагиваются «миф, религия, искусство и другие явления, но они могут быть реконструированы по данным образных систем (внешне проявляющихся в виде символов) человеческой психики с выходом на концептуальные построения языка» [1, с. 38].

Еще И. Кант писал: «У человека обширнее всего сфера смутных представлений». Т.В. Черниговская подтверждает и объясняет этот факт: язык «принципиально не настроен на жесткость значений и формулировок, и это может быть объяснено только запросами самого когнитивного ментального пространства, если не сказать – самого мира» [4, с. 15]. Эти человеческие запросы реализуются в поэзии, пророчествах и предсказаниях, сновидениях, которые хранят в себе эти «смутные представления» (И. Кант).

В языке, особенно в языке поэзии, мало что можно объяснить с точки зрения причинности, потому что мир поэзии лежит за пределами причинности. Если раньше в традиционной науке считалось, что нет явлений, для которых не было бы причин, как и нет явлений, которые не имели бы следствий, то в современной философии и ряде других наук этот принцип подвергается сомнению. Это постмодернистская философия Анти-Эдип; шизоанализ, трактующий бессознательное как самодетерминирующуюся сущность, как «нечто, порождаемое самого себя». Сюда же следует отнести теорию Смерти Автора, как причины появления текста и др. современные концепции.

Наблюдения показывают, что все это есть в языке, поэтому сама по себе статистика, даже самая добросовестная, используемая в традиционной лингвистике, не создает достоверной картины языка, потому что статистические зависимости в языке не столь важны, хотя и существуют. Это «бухгалтерия в лингвистике». Значительно важнее и сложнее функциональные зависимости. Язык саморегулирующаяся система, многое в нем происходит, не соотносясь с причинными объяснениями, чему свидетельством могут быть многие выражения типа *теплый шарф, группа продленного дня, стоять под дверью*. Или такие предложения: *Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве. В конце концов, среди концов*

найдешь конец ты, наконец. С точки зрения норм языка сочетания и предложения составлены правильно, но здравый смысл в них отсутствует, хотя они привычны для русского уха и часто используются в языке. Здесь мы видим, что язык живет по правилам, которые допускают недозволенные, неосмысливаемые с помощью обычной логики ходы. Но все же в обыденном языке не любые ходы допустимы. А в поэзии?

В поэзии все происходит еще сложнее. Поэзия – это высшее проявление национального языка, ее пронизывает непреодолимая тяга за пределы, к глубинному знанию. Язык, особенно поэтический, полон загадок, для разгадывания которых, для поиска смысла в них, диффузных, размытых, скрытых, нужна талантливая национальная поэзия. Именно поэт Ф. Тютчев мог сказать миру: *Я понять тебя хочу, смысла я в тебе ищу.*

Что работает в поиске поэтического смысла? Только ли интуиция? Только ли ею объясняется появление поэтов-пророков? Насколько нужны действия «рацио»? Эти вопросы пока так и остаются открытыми.

Не секрет, что поэты видят тайный смысл в обычных вещах. Георгий Иванов писал: *“Россия тридцать лет живет в тюрьме, / На Соловках или на Колыме. / И лишь на Колыме и Соловках / Россия та, что будет жить в веках. / Все остальное — планетарный ад... Здесь тюрьма, Соловки, Колыма наделяются тайным сакральным смыслом, который отзывается в наших душах.*

Многие русские поэты несли там открытие мира с необычной стороны. Это А. Блок, Ф. Тютчев, М. Цветаева и др. Даже ранний В. Маяковский был таким поэтом: *Простыни вод под брюхом были. / Их рвал на волны белый зуб. / Был вой трубы — как будто лили / любовь и похоть медью труб* («Порт»). Это не просто красивый и неожиданный образ, рожденный поэтом, метафорическое видение мира, а пример измененного сознания: *как будто лили / любовь и похоть медью труб.* Поэт заглянул в глубь собственной души и выразил словами ее состояние для нас. М. Цветаева пыталась нам экстерниозировать собственный внутренний мир, состояние собственной души:

*Тусклостями: ущербленных жил
Скупостями, молодых сивилл
Слепостями, головных истом
Седостями: свинцом.* (Цветаева. ПСС, т. 2, с. 124).

Здесь открывается возможность для сотворчества, что особенно важно для читателя, ибо помогает ему разобраться в себе.

Еще пример. Поэзия – это высшее проявление национального языка, ее пронизывает непреодолимая тяга за пределы, к глубинному знанию. Это можно подтвердить следующим примером, из которого видно, что именно глубинные знания придают тексту, в данном случае стихотворению А.Блока «Девушка пела в церковном хоре...», глубину и позволяют увидеть особый смысл. Талантливый поэт и литературовед П. Вайль считает, что это стихотворение о памяти.

В стихотворении говорится о молитве, которая, как все верят, будет услышана Богом: *И всем казалось, что радость будет.* А потом следует, казалось бы, неожиданная фраза:

*... только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, – плакал ребенок
О том, что никто не придет назад...*

На поверхности лежит мысль о бессмысленности человеческих надежд и даже молитвы. Так и трактовалось данное стихотворение в советском литературоведении.

Но на глубинном уровне здесь просвечивает мистический смысл Литургии. Младенец в Христианстве – это Ангел. Реальные дети тоже иногда плачут перед Причастной Чашей. В этом тоже свой мистический смысл: указание на духовное неблагополучие, на отсутствие благодатного действия Причастия, которое устанавливает мир в душе. Вероятно, ребенок плачет потому, что молитвы не доходят до Бога, и он, как ангельская душа, это видит. Как видим, глубинный пласт многое объясняет.

Возможность проникнуть в тайны глубинного познания мира дает не только сложная национальная поэзия, но и объединение научного, философского, художественного и религиозного знаний. Цель такого синтеза – целостное видение Человека – Природы – всей Вселенной. Это ведет к стиранию всяческих границ между Миром и Человеком. Примером такого синтеза могут служить последние работы академика Ю.С. Степанова – «Концепты. Тонкая пленка цивилизации», «Мыслящий тростник», «Протей. Очерки хаотической эволюции» и др.

Исследование границы между глубинными и поверхностными смыслами в поэзии вскрывает борьбу с хаосом. Понимаемая таким образом граница есть реальность гуманитарных смыслов, со-бытие и сотворчество личностей автора и читателя.

Вывод. Граница – это символ политической, экономической, правовой, культурной, психологической, лингвистической реальности.

Граница между поверхностными и глубинными смыслами в языке и поэзии оказывается тем открытым пространством («между»), где соединяются разные горизонты смысла, понимания, интерпретации, диалога. И хотя четкую границу едва ли удастся установить в ближайшие годы, ее осмысление как определённого феномена способно повлиять на решение ряда многих проблем, возникающих не только в области поэзии, но и в сфере языка и человеческой духовности.

Список источников

1. Берестнев Г.И. Синхроничность как объект лингвистики // Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX-XXI веков. Липецк, 2017.
2. Боронин А.А. Лимнологические основы психолингвистики текста // Вопросы психолингвистики. 2016, № 3(29), с.37-44.
3. Куликова О.Б. Философия познания: анализ основных проблем. Общая характеристика метода научного познания. Учебно-метод. Пособие. Иваново, 2009.
4. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2017. – 448 с.